

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1986

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1986

Е. И. Маишкова

НА РУБЕЖЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЭПОХ

(«ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЗИХНИ»)

Турецкая литература первой половины XIX в., будучи по типу средневековой, уже обладала некоторыми свойствами новой литературной системы.¹ Творчество Байбуртлу Зихни (как и Иззета Моллы, кстати сказать ²) в значительной мере характеризует данный этап литературного развития Турции.

Существенную роль в этом процессе сыграло, в частности, взаимодействие письменной и устной литератур, что, пожалуй, вообще присуще периодам литературных исканий в кризисные периоды жизни общества. Взаимосвязи имели разнообразное проявление. Письменная поэзия, например, обогащалась путем использования фольклорных жанровых форм, приемов народной песенной поэтики, слоговой системы стихосложения и многого другого. Народные же певцы, ашыки, иногда прибегали к количественной системе стихосложения (арузу), культивировавшейся в письменной поэзии, откуда ашыки нередко черпали также книжные сюжеты и образы, некоторые поэтические приемы.

Названные особенности непосредственно проявились и в поэзии Баубуртлу Зихни. Его творчество, как бы замыкающее переходный период (от средневековой литературы к новой), мало исследовано. Турецкие и европейские ученые не без основания причисляют его то к письменной литературе, то к устной.³

В данной статье автор не ставит перед собой задачу показать все творчество поэта, а хотел бы лишь обратить внимание на отражение в одном его сочинении некоторых примет литературы того времени.

Биография Байбуртлу Зихни раскрывается в его стихах. Поэт (собственное его имя Мехмед Эмин) родился в самом конце XVIII в.⁴ и скончался в 1859 г. Его родина — северо-восточная Анатолия, небольшой городок Байбурд (отсюда и прозвище поэта «Байбурдский»), расположенный на пути из Эрзерума в Трапезунд. Завершив в этих двух городах образование, двадцатилетний юноша прибыл в Стамбул в поисках покровителя. С помощью своих хвалебных стихов Зихни получил доступ в султанский Диван и занимал свыше десяти лет разные канцелярские должности. Вся жизнь он служил поблизости от родных краев (Эрзинджан, Хопа

под Батуми, Оф), а также в Караагаче (недалеко от Стамбула), в Акдаге и других местах с последующим возвращением на родину или в столицу за новым назначением. Он трижды посетил Египет по делам службы и как паломник (титул ходжи получил в 1834/35 г.), а также побывал в Сирии секретарем Дивана Рещида-паши, который во время военных действий против Франции командовал одним из турецких судов в объединенной австро-англо-турецкой флотилии. Зихни не дослужился до больших чинов: в небольших городках он был чаще всего финансовым чиновником (дефтердаром) или предводителем (мюдиром). Поэт не скопил себе состояния и скончался одиноким бедняком в деревне недалеко от Трапезунда, откуда он выехал, пожелав перед смертью повидать родной Байбурд.

Из литературного наследия Зихни издан только один диван,⁵ который отличает синкретичность, вообще свойственная его творчеству: соединение традиций классической литературы с особенностями устного поэтического творчества. В принципе ничем иным собрание его стихов, пожалуй, не отличается от диванов других авторов того времени. Правда, Зияеддин Фахри, автор единственного исследования, посвященного Зихни,⁶ высоко оценивает некоторые его стихи, отмечает искренность в передаче душевных переживаний (любовных, связанных со сложностями личной судьбы поэта, патриотические мотивы) и др. Турецкий ученый считает, что лучшие стихи Зихни выдерживают сравнение с произведениями больших поэтов; отзвуки их творчества (например, Физули, Недима, Шейха Галиба и др.) заметны в его Диване. Но у него же встречаются (и не только здесь) погрешности в соблюдении канонических размеров, хотя поэт не мог не знать теорию аруза.

Автобиографическое сочинение «Книга приключений Зихни», или точнее по смыслу «Жизнеописание Зихни» («Sergüzeştname-i Zihni»), не издано. Упомянутый З. Фахри использовал в работе три идентичные рукописи, находившиеся в свое время в частных коллекциях (две в Эрзеруме и одна в Анкаре). Все, кто впоследствии кратко писал о жизни поэта, вернее, упоминал его стихи, основывались, судя по всему, именно на книге З. Фахри. Нам тоже пришлось воспользоваться только обильными и пространными цитатами, которые, по словам этого ученого, приведены им в том виде, в каком эти строки встретились в рукописях, включая ошибки в стихотворной технике и другие (с. 81 по первому изданию).

«Жизнеописание Зихни» представляет, с нашей точки зрения, наибольший интерес как сочинение, непосредственно предшествующее первым произведениям новой турецкой литературы и в известной мере соединяющее их с традиционной средневековой словесностью. Оно показательное для завершающего этапа переходного периода к типу литературы Нового времени.

«Жизнеописание» — это месневи, в которое включено около шестидесяти отдельных произведений; три из них написаны прозой

и одно — прозой и стихами. Отметим большое разнообразие форм, входящих в месневи (помимо касыд и газелей включено много стихотворений разных строфических форм). В конце сочинения помещены пять дестанов, имеющих отдельные заглавия: два посвящены историческим событиям, участником или свидетелем которых был сам автор, герои трех других имели реальных прототипов. По нашему мнению, структура этого сочинения свидетельствует о продолжающемся процессе расшатывания средневековой жанровой системы.

По отзыву З. Фахри, сочинение открывается вступлением, где после традиционных стихов молитвенного и панегирического содержания поэт, как полагалось, объясняет причины, побудившие его создать книгу. Оказывается, сын однажды попросил отца рассказать о своей жизни. Ответом явилось «Жизнеописание», в котором собраны стихотворения разных лет, в том числе и появившиеся незадолго до окончания этого произведения в целом, а может быть, и в связи с ним самим (в некоторых стихах, например, упоминаются события, происшедшие года за четыре до смерти автора). Сочинение является самым надежным источником, раскрывающим жизненный путь поэта и его личность.

Созданное в период начавшихся перемен в турецкой литературной системе, «Жизнеописание» достаточно показательно в отношении путей трансформации средневековой литературы в новую, что выявляется при рассмотрении сочинения в ряде аспектов, правомерных для исследования подобного рода произведений.

Увеличение диапазона литературы, свойственное этому этапу ее развития, проявилось, например, в некотором расширении социального состава героев. Зихни, правда, пишет и о крупных саяновниках, о знатных людях (везирах, каймакамах, вали), часто — о дефтердарах, кади и проч. Но среди них нашлось место и духанщику (с. 67), и главе байбурдских ремесленников шейху Мустафе, которого поэт зло высмеял как притеснителя и хитреца, отравляющего людям жизнь. Объектом сатиры стал также один из трапезундских торговцев, узурпировавший власть в городе (с. 68—69).

Поэт может в карикатурном виде представить внешность и повадки «героя» сатиры:

Ходжа в чалме, губастый да длиннющий,
Словно верблюд, — нескладный идол.
Этот волк с бараньей головой верит, что
В хитрости он — лисица, в коварстве — мышь.
Допустим, руки—ноги у него на медвежьих лапы похожи.
Но взгляд его напоминает кабаний.
В хватании взятку он становится льву подобен.
В броске он лапастому тигру подобен.
Лакает он воду, словно борзая, и,
Чмокая, мотает головой, точно осел

(с. 55)

Автор пытается индивидуализировать характеристики объектов своей сатиры. Так, он пишет, что на смену одному вороватому каймакаму пришел другой, но того же типа. Этот градоправитель находился под пятой своей жены:

Жена вела себя с ним независимо.
Женщина стала выше мужчины, выше веры.
Женщина, оказывается, взяла верх над ним,
И не имел он в своем гареме никакой власти.

(с. 56; вторая строка второго бейта опущена в издании 1950 г.)

Этого Зихни, конечно, не мог одобрить. Сообщается, что каймакам, по происхождению араб, плохо говорит по-турецки. В данном случае Фахри не показывает, как передал поэт искаженную турецкую речь. Но у Захни в других стихотворениях встречается речевая характеристика персонажей, пародирование их разговорной манеры, отражающей устную турецкую речь армянина, грека, курда, лаза, грузина и др.; в авторскую речь (главным образом в стихах, написанных в метре хедже) порой проникали элементы языков азербайджанского и некоторых среднеазиатских.

Сам автор, искренне повествующий о своей судьбе, выступает как лирический герой «Жизнеописания». Стихотворения, преимущественно сатирического характера, Зихни адресует многим чиновным лицам, встречавшимся ему на жизненном пути. Поэт, кочевавший с одного места службы на другое, за недолгий срок успевал увидеть глазами сатирика быт и нравы окружавшей его среды, неправые порядки и виновников зла. И обо всем он открыто говорит в стихах. Они отображают мучительные переживания, вызванные несправедливыми, по мнению автора, его отставками, перемещениями, тоской по оставленным родным краям. С подкупающей открытостью пишет он о сыне, страдая в разлуке с ним, и обращается к нему с нежностью, которую не скрывают традиционные выражения:

Сынок мой, дорогое дитя,
Кинарис из сада моего опечаленного сердца!
.....
Судьба оставила тебя в горе, меня — на чужбине
Она оставила тебя в тоске, меня — в разлуке.

(с. 53)

Поэт жалуется на старость, которую вынужден проводить в одиночестве.

Зихни откровенно пишет о «скандальной истории», которая произошла с ним. В свое время в Сирии он женился на местной жительнице из феллахов. А когда развелся с нею, он отдал, по его словам, все, что полагалось ей по мусульманским законам. Но бывшая жена, отрицая этот факт, обратилась с имущественными претензиями в управление по делам ходжей. Полицейские,

не задав ответчику никаких вопросов, не слушая его возражений, стали на ее сторону и, как он выразился, «обобрали поэта».

Вечен Аллах! В сорок кисе́ обошелся
Развод с бессовестной арабкой

(с. 57)

Возмущенный несправедливым решением, Зихни написал две сатиры, в которых высмеял невежественных бессовестных судей, попирающих законы:

Разве это уважение к людям ислама?
Разве это повиновение законам шариа́та? —

(с. 57)

восклицает поэт. Он дает волю своему негодованию, бичуя «стадо лжецов», мздоимцев, не по праву занимающих ныне судейские должности (с. 66); не так было прежде — здесь использован известный мотив: восхваление прошлого в порицание настоящему.

Будучи сам ходжой, Зихни отваживается назвать паломников «толпой негодяев» (с. 58). Он зло издевается над проповедником-аскетом и его фальшивыми речами на кафедре в мечети (с. 69). Но поэт, верующий человек, порицает беззаботное отношение к религии; в то же время он свободен от фанатизма в этих вопросах. Так, в его стихах звучит хорошо известная в классической ближневосточной литературе, в частности в турецкой, гуманистическая мысль о равноправии людей, исповедующих разные религии. Дурные же поступки совершают люди разного вероисповедания (мусульмане, христиане, иудеи и др.) (с. 64).

Признавая справедливые законы основой порядка в жизни страны и каждого человека в отдельности, Зихни критически высказывался о турецкой действительности. Мы не можем с полной определенностью судить, часто ли социальные мотивы встречаются в его произведениях, так как Фахри цитирует стихи по собственному усмотрению. Однако он отмечает социальную направленность многих стихов Зихни, резко сатирический тон в суждениях поэта о положении дел в стране и проявление «любви и уважения к народу, терпевшему гнет городских баев и дворцовых чиновников» (с. 94).

Поэт всегда считал святой обязанностью честно исполнять свою службу, но встречал брань и несправедливое отношение к себе начальства, когда говорил об имущественных злоупотреблениях и нерадивости чиновников, о бессовестном отношении к подчиненным и т. п. Он открыто негодует, что «невежи и дураки», а также интриганы становятся везирами или занимают другие высокие посты. И Зихни обращается к самому султану:

Разве честных везиров нет у тебя?
Есть они, да смелости нет у тебя.

(с. 50)

Поэт пишет, что сорок лет служил государству, но постоянно подвергался гонениям и страдал от бедности — эти мысли часто возникают в стихах. Его сетования, в которых порой звучат отголоски традиционных «жалобных посланий» («шикяйет-наме») о несправедливом устройстве мира и о личных бедах, все же не могут заглушить индивидуальной особенности — энергичного протеста против зла; он высказан, например, в таких словах Зихни:

Я не знаю, как ты, проклятая судьба,
Но, чтобы меня одолеть, надо много потрудиться.

(с. 60)

Положительные взгляды Зихни выражены в исходных позициях, с которых он обличает зло. Высказывание автором своих идеалов можно усмотреть в том, что у него мерой справедливости выступают «законы Танзимата». Нарушение их, как и противодействие «шахиншаху Танзимата», есть преступление (с. 54). Фахри также считает поэта выразителем идеологии Танзимата (с. 27, 64) и констатирует при этом: под конец жизни Зихни понял, что принципы Танзимата не реализовались на практике (с. 27). Возможно, об этом говорят и строки «Жизнеописания», которые цитирует Фахри как продолжение месневи с редифом «Я не знаю» (bilnem, см. здесь, с. 187). Два последних бейта не имеют этого редифа, а в смысловом отношении продолжают два цитируемых первых (во втором издании книги странным образом помещены всего три строки, за которыми идет только первый из двух последних бейтов). В месневи поэт резко выражает свое возмущение неправыми порядками в мире и говорит в двух последних бейтах:

Что это за правосудие, что за Танзимат?
Что за закон, что за предписания?
Такого *достаточно* оиозоренного и ославленного [человека]
Ослепляет падишахова милость.

(с. 64, в первом издании с. 66)

Поэт использует оба значения выделенного нами слова (müstevî) «достаточный» (при определении какого-либо качества) и «человек на жаловании, финансовый помощник при губернаторе» (термин исторический), а именно в такой должности служил сам Зихни. Видимо, здесь скрыта авторская ирония.

Поэт не был ретроградом, если говорил: «Нашему веку нужна свежая сила (иначе — новые авторитеты)» (с. 48). С этих же позиций он мог размышлять о литературе. Передовые люди эпохи придавали ей большое преобразующее значение в жизни общества. Поэзия тоже нуждалась в обновлении. Пожалуй, намек на это содержится во вступлении к одной касыде (с. 60). В конце этого же панегирика автор, между прочим, признается, что все написанное в хвалебном стиле, грозит обернуться насмешкой, ибо

То, что переходит [определенные] границы,
Конечно, приходит к своей явной противоположности.

(с. 61)

Поэту нельзя отказать, если не в диалектичности мышления, то в трезвой наблюдательности, во всяком случае.

Но если велико значение литературы, не менее важна и роль поэта. Зихни это сознавал, причем не отказывался и от традиционного самовосхваления (с. 61, 62 и др.). Особенно он гордился своей сатирой:

Кто бы ни удостоился моей сатиры,
Странно, — до Судного дня душа его не знает покоя.

(с. 55)

И об этом он часто напоминает своим противникам. Так, он однажды пригрозил ею тем знатокам поэзии, кто усмотрел в его газелях «заимствования» (с. 68). Зихни всегда был готов вступить в стихотворный поединок, будучи уверенным в своем таланте (с. 61), и горделиво уверял:

Мое мастерство принесло мне славу.
Моя поэзия нужна и Руму, и персам.

(с. 62 и др.)

Последний довод есть отзвук давнего авторитета у турок персоязычной поэзии.

Несомненно, у Зихни было обостренное чувство соперничества по отношению к современникам — собратьям по перу. Новое и примечательно, что он решительно возражал против пренебрежения творчеством тех, кто живет в провинции:

Разве мастерство [только] Стамбулу присуще?
Разве учеными это установлено?

(с. 61)

Личные обстоятельства сыграли здесь свою роль: Зихни не принадлежал «пожизненно» к придворным стихотворцам столицы. Отсюда и его самолюбивая отповедь стамбульцу Фатину эфенди, небрежно вписавшему в свое тезкере имя Зихни, по поводу чего поэт иронически заметил: «он льва играючи поймал» (с. 61).

Зихни считал себя непосредственным продолжателем дела прославленных предшественников. Он гордится тем, например, что написал много тарихов, как Наби и Неф'и (с. 50), упоминает в сходной связи имена Урфи и Хакани (с. 48). Мерой сатирического мастерства была для него поэзия Неф'и (ум. в 1635), что явствует, например, из бейта-самовосхваления:

В наш век я — огненнаязыкий Неф'и.
Повинуются мне все поэты эпохи.

(с. 67)

Воздействие на него этого прославленного сатирика, как и другого — Рухи (ум. в 1608 г.), подтверждается не только декла-

ративными высказываниями, но и отзвуками их творчества, легко различимыми в стихах поэта XIX в. в виде отдельных мотивов, в структуре некоторых произведений. Так бейт Зихни

Горе великое тому правителю, который дефтердару, подобному тебе,
Поручил важные дела и милость оказал, Джемзи —

(с. 65)

напоминает строки Неф'и, адресованные великому везиру Гюрджю Мехмеду паше:

Горе государству, если его наставником станет
Воплощение подлости и невежества, подобное тебе, собака!*

Близки по сути и по форме выражения риторические вопросы, часто встречающиеся в сатирах обоих поэтов. Когда Зихни спрашивает, например, как может стать судьей человек, не сведущий даже в своей науке (с. 54), то вспоминается следующий бейт Неф'и:

Как может стоящий во главе несправедливых
Быть справедливым к народу как представитель шаха?*

Зихни не скрывает своего критического отношения к турецкой действительности:

Что это за законы, что за справедливость? — Я не знаю!
Что за гнет, что за оскорбительное отношение? — Я не знаю!
Что за положение дел, что за позор? — Я не знаю!

(с. 64)

На память приходит начальный бейт из только что цитированной сатирической касыды Неф'и, адресованной везиру Экмекчи-заде Ахмеду паше:

Что это за порядки, что за времена, что за коловращение небес?!
Если не изменятся, пусть станут прахом [сами] небеса!*

Здесь сходство лежит глубже уровня текстового совпадения. Стихи сближают мысли и чувства авторов, выраженные в столь похожей форме. Видимо, не случайно Зихни употребляет выражение «стрелы сатиры» (с. 55), созвучное по стилю и смыслу «Стрелам судьбы» — названию собрания сатир Неф'и.

Еще показательнее пример одной из самых известных касыд Зихни — с редифом «юф!» («проклятье!»), сатиры, направленной на трапезундского дефтердара Нюзхета эфенди:

Страж сада райского! Вращенью колеса судьбы — проклятье!
Плеяде людей сердца, их милостям, их вере — проклятье!
Распутник вроде Нюзхета уничтожил все, что я имел,
Умам таких «совершенных» — проклятье, душам их — проклятье!

Меня рыдающим сделал, моих недругов — веселыми.
Тысячам таких «колючих роз» — проклятье!
Такой обманчивой судьбе дефтердара-банкрота,
Такой сомнительной вере подлецов — проклятье!
Зихни, настал последний час: больше нет справедливых.
Благодеяниям бесв и нашей такого века — проклятье!

(с. 59—60)

Эти бейты-проклятья корреспондируют с сатирой Рухи, имеющей такой же редиф «юф», например:

Проклятье терниям судьбы! И розам с цветком проклятье!
Сопернику проклятье! И жестокой возлюбленной проклятье!

.....
Когда мудрец несчастлив, а невежда счастлив,
Проклятье счастью в мире! И несчастьям в мире проклятье!
Проклятье счастливому круговращению небес! И несчастливому
.....
..... проклятье!

Проклятье недвижимым звездам! И движенью их проклятье!¹⁰

Сатира поэта XIX в. более конкретна в своей адресованности, автор шлет проклятья не абстрактному злу, а непосредственным виновникам своих бед, но также и всем неправедным людям, о чем объявляется в самом начале касыды. Более важны для истории литературы и глубоки связи этого сочинения Зихни с другим, самым значительным произведением первой четверти XIX в. — с повестью-путешествием «Страдания в Кешане» Иззета Моллы (ум. в 1829 г.).¹¹

Это тоже автобиографическое сочинение, сходное и по структуре: написано в виде месневи, в которое включены стихотворения разных поэтических форм (газели, касыды, кыт'а, мюфреды и др.). Такое построение позволило обоим авторам рассказать и о себе, и о своем времени. Этому в немалой степени способствовал мотив путешествия, являющийся своеобразным стержнем, скрепляющим отдельные эпизоды и позволяющий выстроить целую галерею портретов (большой частью сатирических), запечатленных авторами с натуры. Заметны сходжения (вплоть до текстуальных), когда поэты искренно пишут о своих переживаниях, будучи отторгнуты от семьи, от друзей. Оба страдают от незаслуженного наказания: от официально объявленной ссылки или замаскированной — направления по службе в отдаленные от столицы края. Зихни размышляет:

Я сказал: — В чем причина отставки моей?
Разве ветром сдуло весь труд мой?

(с. 51)

Здесь поэт словно бы повторяет слова Иззета Моллы, связанные в сходной ситуации:

Что все же я причинил миру?
Разве я притеснял стамбульцев?
Чей дом я разорил?
За что же я ввергнут в эту беду?¹²

Много общего у них в сатирическом изображении «непорядков» в турецком государстве, злодеяний чиновников, притеснявших людей, и невежественных судей, попиравших законы, и во многом другом. Авторы в сатирах выражают свои позитивные взгляды, выступая как бы от противного.

Помимо сходных, более или менее традиционных объектов сатирического осмеяния оба поэта обращали внимание и на людей низкого общественного положения.

В творчестве обоих поэтов нашли отражение гражданские мотивы, причем в этих целях ими использована традиционная форма «жалобы» (шикяйет-наме), в которой они представляли личные беседы неотрывно от общественных.

У обоих авторов можно отметить опыты в бытописательстве, когда в письменную поэзию входят непривычные мотивы и объекты изображения. У Зихни встречается конкретное описание Стамбула, некоторых сторон его быта, столичного дома, праздничной трапезы в рамазан (с. 63 и др.). Мы узнаем, что, испытывая материальные затруднения, поэт задолжал крупную по тем временам сумму (тысячу курушей) бакалейщику Апостолю (видимо, греку) (с. 58). О такой же трудной житейской ситуации писал в свое время Иззет Молла,¹³ который тоже достоверно и живо передавал этнографические и географические особенности мест, увиденных им во время своей поездки в Кешан и обратно. Появление персонажей из «низших» слоев города, внимание к их нравам и быту повлекли за собой выход поэтической речи на границы литературного языка, использование элементов просторечия и диалектизмов, разговорной стилистики и много другого, на что чрезвычайно важно обратить внимание в плане изучения истории турецкого языка.

Композиционной особенностью сопоставляемых сочинений является включение в месневи развернутых эпизодов, представляющих собой как бы самостоятельные рассказы. Примером такого рода повествования у Зихни может служить одно месневи (около 80 бейтов). Это история, приключившаяся с автором по пути из Аксарая в Кумкапы. В кофейне его встретил один трапезундский приятель. Шумные приветствия и чрезмерная жестикующая этого изрядно пьяного человека привели в смущение Зихни, который признается:

Посетители кофейни наблюдали за нами,
Переговаривались, смеясь и подавая друг другу знаки.

(с. 52)

Разгневанному поэту не удалось отделаться от этой «свалившейся на его голову беды». Стыдясь и мучаясь страхом перед новыми неприятностями, он все-таки попался на улице стражникам, когда возвращался из кабака вместе с приятелем. Тот сказал в караульной, что оба они из медресе, и в ответ им пришлось выслушать нотацию по поводу того, что днем-де они громогласно проповедают, а ночью позорят свое почтенное заведение (с. 52, 53).

Эта жанровая сценка, написанная живо и с юмором, возможно, не единственная в сочинении, но других подобных стихотворений, целиком приведенных в книге Фахри, нет, как нет и полных текстов произведений в прозе («Эта превосходная проповедь (хутба)», «Прощение» и др.), которые, вероятно, тоже являются своего рода вставными рассказами.

Схождения между «Жизнеописанием Зихни» и «Страданиями в Кешане» Иззета Моллы (отмеченные нами здесь далеко не в полном объеме) закономерны для данного этапа литературного развития. Существовали, впрочем, и контактные связи двух поэтов: оба участвовали в поэтических состязаниях.¹⁴ Знакомство их могло состояться благодаря известному ученому и полководцу Решиду Мехмеду-паше, в диване которого Зихни служил секретарем, а по ходатайству этого паша Иззет Молла был возвращен из кешанской ссылки в столицу. Более чем вероятно, что «Страдания в Кешане» Зихни знал, и это яркое сочинение нашло отзвук в творчестве поэта из Байбурта.

Краткий обзор «Жизнеописания» Зихни, думается нам, позволяет составить некоторое представление о значимости творчества поэта для истории турецкой литературы, уяснить ряд типологических особенностей литературы первой половины XIX в., находившейся на рубеже смены средневековой литературной системы новой, начало которой связывается с так называемой литературой Танзимата, просветительской по своей сути.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Маштакова Е. И.* Турецкая литература конца XVII—начала XIX в.: К типологии переходного периода. М., 1984.

² См., например: *Гарбузова В. С.* 1) Поэты Турции XIX века. Л., 1970; 2) Гражданская тема в творчестве Иззета Моллы. — В кн.: Филология и история тюркских народов: Тезисы докладов. Тюркологическая конференция в Ленинграде. Л., 1967; *Маштакова Е. И.* «Страдания в Кешане» Иззета Моллы. — *Turcologica: К семидесятилетию академика А. Н. Кононова.* Л., 1976. Работы турецких и зарубежных ученых указаны в библиографических примечаниях к названной статье Е. И. Маштаковой.

³ В отличие от других ученых Байбуртлу Зихни называли ашыком, например *Necatigil, Behçet. Edebiyatımızda isimler sözlüğü.* İstanbul, 1975, s. 60; *Ozankan, Cenab. Kırk halk şairi (Hayatlar ve eserleri).* İstanbul, 1960, s. 171—174. В. М. Коджатурк считал, что стихи Зихни, написанные в манере народных певцов-сазистов, имеют наибольшее значение для литературы вообще: именно в них поэт полнее всего выразил свою индивидуальность (*Kocaturk V. M. Türk edebiyatı tarihi: Başlangıçtan bugüne kadar Türk edebiyatının tarihi, tahlili ve tenkidi.* Ankara, 1964, s. 576.) А. Х. Танпынар также уделял серьезное внимание стихам Зихни в метре хедже, близким к народной поэзии (*Tanpınar A. H. XIX. asır Türk edebiyatı tarihi.* İstanbul, 1956, c. 1, s. 69—71).

⁴ Дату рождения поэта указывают от 1210 до 1215 г. х., т. е. от 1795/6 до 1800 г.; более вероятен 1212 г. х., или 1797/8 г.

⁵ *Divan-ı Zihni.* İstanbul, 1923 г. х. (1876).

⁶ *Fahri, Ziyaeddin. Bayburtlu Zihni.* c. I, İstanbul, 1928 (шрифт арабский). *Fındıkoğlu, Ziyaeddin Fahri. Bayburtlu Zihni. Bir edebiyat sosyolojisi den.*

mesi. Gözden geçirildikten ve ilaveler yapıldıktan sonra ikinci basılış. İstanbul, 1950. При цитировании страницы этой книги указываются в тексте.

⁷ Yücebaş. Hilmi. Hiciv edebiyati antolojisi, 2. bas., İstanbul, 1961, с. 71.

⁸ Karahan, Abdülkadir. Nef'i. Hayatı, sanatı, şiiri. 2. bas., İstanbul, 1967, с. 105.

⁹ Karahan A. Nef'i, с. 105.

¹⁰ Gölpınarlı, Abdülhakî. Nesimî — Usulî — Ruhî. — Hayatı, sanatı, şiirleri. İstanbul, 1953, с. 110.

¹¹ Подробнее см.: *Маштакова Е. И.* «Страдания в Кешане» Иззета Моллы.

¹² *Izzet Molla.* Mihnet-i Keşan. Kostantiniye, 1269 (1825), с. 9 (шриффт арабский).

¹³ *Izzet Molla.* Mihnet-i Keşan, с. 194.

¹⁴ *Divan-i Zihni*, с. 35 и др.